

Борис Беленцов

От ПРИЗЫВА ДО ДЕМБЕЛЯ

Челябинск • 2021

18+

Борис Беленцов

От призыва до дембеля. Повесть

«Автор»

2026

Беленцов Б.

От призыва до дембеля. Повесть / Б. Беленцов — «Автор», 2026

Повесть от призыва до дембеля рассказывает о судьбе и воинской службе молодого прня Мишки Быкова, и является заключительной книгой трилогии: "Мишкино детство", "Мы в жизнь входили без опаски". События в повести происходят в начале 70-х годов 20-го века на советско-китайской границе.

© Беленцов Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Беленцов

От призыва до дембеля. Повесть

Покаюсь вам, ходил я в самоволку

Начистивши до блеска сапоги.

Бушует май и птицы без умолку,

И я прощаю Родине долги.

Б. Беленцов «Самоволка»

Глава 1. Призыв

Поезд, в котором ехали Мишка и ещё три десятка призывников, прибыл на место нахождения областного сборного пункта во второй половине дня. Успевшие перезнакомиться за дорогу умаявшиеся от безделья молодые ребята, собрав свои нехитрые пожитки и облачившись в рваные телогрейки и полушубки, со смехом, шутками и прибаутками спрыгивали на перрон. Сопровождавший их работник военкомата, мужчина средних лет с погонами старшины, задачей которого было без происшествий доставить новобранцев до места сбора, по-молодому легко соскочив с подножки, зычным, хорошо поставленным голосом отдал команду построиться в колонну по три. Призывники, ещё не привыкшие к воинской дисциплине, толкаясь, словно стадо баранов, с трудом, но выполнили команду. Наблюдая за ними, старшина, всю свою жизнь посвятивший воинской службе, внутренне усмехаясь, думал: «Ничего, скоро вас всех научат Родину любить... Куда вы денетесь...» Сделав перекличку и заставив ребят промаршировать на месте, он, добившись минимальной слаженности, махнув рукой, указывая направление, скомандовал: «Вперёд, шагом марш!» Идти пришлось недолго; накатанная автомобилями грунтовая дорога, пропетляв по заснеженному сосновому лесу, минут через пятнадцать уткнулась в окрашенные зелёной краской с нарисованными на них красными пятиконечными звёздами металлические ворота. Вышедший из караулки сержант, посмотрев предъявленные сопроводительные документы, пропустил новобранцев на территорию. Подведя колонну к месту для курения, старшина, сказав, что можно разойтись и перекурить, зашёл в здание, на фасаде которого рядом с входной дверью висела вывеска с надписью «Штаб. В/ч № 46583».

Задымив папироской, Мишка огляделся; на территории, огороженной высоким забором, поверху которого была натянута в два ряда колючая проволока и вдобавок к этому через каждые двадцать метров висели электрические фонари, стояли четыре приземистых одноэтажных казармы. «Только вышек по углам не хватает», – усмехнувшись, подумал парень. Рядом со штабом находилось ещё одно длинное здание, из окон которого торчали вытяжные вентиляторы. «Скорее всего столовая, должны же они где-то нас кормить», – промелькнула мысль в его голове. В самом дальнем конце сборного пункта, словно крематорий, дымила котельная; напротив неё расположились длинные сколоченные из досок, покрашенные известью уличные туалеты, а перед зданием штаба, вероятно, для построения личного состава, был небольшой бетонный плац. Минут через десять из штабных дверей вышли сопровождавший ребят старшина и старший лейтенант с красными общевойсковыми петлицами. Построив на плацу новобранцев, старшина, сделав перекличку, передал папку с документами офицеру, пожал ему руку и пошёл в сторону столовой.

Старлей в идеально подогнанной по фигуре, перепоясанной португеей и широким ремнём шинели, скрипя начищенными до зеркального блеска хромовыми сапогами, брезгливо рассматривая стоящих перед ним оборванцев, прошёлся вдоль строя. «Призывники, вы прибыли на областной сборный пункт, который является воинской частью, поэтому на его территории вы должны подчиняться правилам внутреннего распорядка, за нарушение которых, несмотря на то, что вы ещё не приняли присягу, будут применяться дисциплинарные взыскания. До

формирования воинских команд и отправки к месту прохождения службы вы будете жить в казармах, а питаться в столовой». Закончив речь, старший лейтенант повёл ребят на ужин.

В столовой было сумрачно, а всё её внутреннее пространство занимали длинные деревянные столы с приставленными к ним такими же длинными скамейками. На трёх столах стояли алюминиевые миски, алюминиевые кружки и чугунные десятилитровые бачки. Ужинали призывники макаронами, отварной треской и компотом. Никто из них ещё не знал о том, что до конца службы ужин будет состоять только из этих блюд. После приёма пищи старлей отвёл новоприбывших в казарму.

В огромном казарменном помещении не было ни одной перегородки. Вдоль стены, у входной двери, в длинный ряд вытянулись рукомойники, а остальная полезная площадь была занята дощатыми нарами. Маленькие, никогда не мытые окна почти не пропускали дневного света, и, несмотря на то, что висевшие под потолком загаженные мухами тусклые стоваттные лампочки горели в казарме круглые сутки, внутри стоял полумрак. Этот полумрак был густо перемешан с сизым табачным дымом, запахом овчины, немытых человеческих тел и не выветрившегося перегара. Так как в помещении было довольно прохладно, то оборванные новобранцы, сидевшие и лежавшие на голых нарах, были в верхней одежде. Кто-то из них спал, кто-то просто дремал, а в отдалённых углах помещения шла азартная картёжная игра. Свободные места были только рядом с рукомойниками. На них и расположились Мишка и его товарищи.

Казавшиеся отполированными до зеркального блеска нары при ближайшем рассмотрении были испещрены надписями, сделанными перочинными ножами, гвоздями и другими режущими и колющими предметами. Надписи свидетельствовали о том, что через сборный пункт за время его существования прошло множество молодых ребят, призванных с огромной территории, раскинувшейся от побережья Ледовитого океана до берегов озера Байкал.

Ночь на сборном пункте закончилась более-менее спокойно, если не брать во внимание, что уже под утро Мишку разбудил чей-то истеричный крик: «Не подходи, падла, если хочешь жить!» Проснувшись от этого крика, он увидел, что в дальнем углу казармы, там, где вечером кучковались картёжники, стояли друг против друга два парня с ножами в руках. Проснувшись призывники, не желая вмешиваться в чужие разборки, молча наблюдали за происходящим. И неизвестно, как и чем бы закончилось это происшествие, если бы из противоположного угла казармы не раздался чей-то басовитый голос: «Эй, петухи, не мешайте спать...» «Кто, кто назвал меня петухом?» – забыв обо всём, взвизгнул один из стоявших с ножом парней. «Я», – поднялся с нар рослый (не менее двух метров), похожий на медведя, одетый в чёрный полушубок новобранец. В полной тишине он, подойдя к стоявшим друг против друга картёжникам, одновременно схватил их за руки, в которых они держали оружие, и, не прилагая никаких видимых усилий, медвежьей хваткой сжал пальцы – оба ножа с металлическим лязгом упали на бетонный пол казармы. После этого, отпустив руки драчунов, «медведь» схватил обоих за волосы и стукнул лбами. Оба приبلатнённых после того, как их отпустил новобранец, рухнули на пол. А тот, не обращая ни на кого внимания, возвратился на своё место и, подложив под голову котомку, тут же уснул. Громадная казарма, ожидавшая представления в виде кровавой развязки, понимая, что всё закончилось, последовав его примеру, тоже погрузилась в сон.

На следующий день от завтрака до обеда, Мишка, валяясь на нарах, наблюдал за происходящим в казарме. За этот отрезок времени несколько раз в помещение заходил сержант с красной повязкой на рукаве и выкрикивал фамилии. Названные им новобранцы собирали вещи и уходили, а их место через какое-то время занимали вновь прибывшие. Во второй половине дня, когда уже парень решил, что ему придётся провести на сборном пункте ещё одну тревожную ночь, вошедший в помещение дежурный зачитал десяток фамилий, среди которых была и Мишкина. Через два часа он в составе команды из пятидесяти человек, в сопровождении трёх сержантов и старшего лейтенанта, грузился в плацкартный вагон.

Поезд, к которому прицепили вагон, назывался «Челябинск – Чита», и новобранцы сразу догадались, что их повезут на восток. Мишке, как и многим призывникам, никогда не видевшим озеро Байкал, очень хотелось посмотреть на «священное море», но, к всеобщему сожалению, Байкал проезжали ночью, и, сколько ребята ни всматривались в оконную темноту, разглядеть ничего не смогли. Проснувшись утром следующего дня, парень увидел за окном всё ту же бесконечную заснеженную тайгу. В полдень поезд прибыл в Читу.

Читинский вокзал, в отличие от множества других вокзалов, виденных Мишкой, отличался вычурностью дореволюционной постройки. Над центральной частью двухэтажного здания был сооружён купол с остроконечным шпилем, а фасад вокзала украшала лепнина. Больше никаких воспоминаний об архитектурных достопримечательностях столицы Забайкалья в памяти парня не осталось.

В Чите вагон с новобранцами отцепили и поставили в тупик. Сержанты, сопровождавшие призывников, выдали каждому из них по армейскому сухпайку. Раздавая пайки, они попутно рассматривали на новобранцах более-менее приличную гражданскую одежду или часы. Обнаружив такое, сопровождавшие всеми правдами и неправдами пытались выманить понравившуюся вещь у ребят. Кто-то в надежде, что от этих сержантов будет зависеть их служба, соглашался на уговоры и безропотно отдавал часы, кто-то, наоборот, вступал с ними в перепалку. На тех и других Мишка смотрел с усмешкой: вещей, на которые могли положить глаз сержанты, у него не было. Кроме того, он-то точно знал, что ссориться с ними не стоит, но и отдавать часы, пытаясь задобрить сопровождающих, тоже нет никакого смысла – на дальнейшую судьбу призывников эти люди никак не могли повлиять. На повсеместно задаваемые вопросы типа: «Куда нас везут, и в каких войсках будем служить?» сержанты, напуская на своё лицо загадочное выражение, ссылаясь на военную тайну, отмалчивались. Пока младший комсостав, используя своё служебное положение, занимался откровенным мародёрством, их командир – старший лейтенант, вырвавшийся из-под присмотра молодой жены и строгих майоров, полковников, пил чай вперемешку с вином в служебном купе с молодыми проводницами.

Простояв более двух часов на запасных путях станции Чита, вагон с новобранцами наконец прицепили к хвосту поезда, следующего до Забайкальска, и после этого манёвра всем призывникам стало окончательно ясно, что служить им придётся на китайской границе. Многим из ребят сразу же вспомнился инцидент на острове Даманском, и от этого им стало очень грустно.

Сжавшись, поезд, лязгнув мёрзлым железом сцепок, тронулся и, недолго пропетляв по окраинам Читы, снова втянулся в плотно стоявшую по обе стороны железной дороги заснеженную забайкальскую тайгу. Перегоны стали длиннее, а станции и разъезды реже. Через два часа езды призывники увидели, что тайга не может быть бесконечной – оглашая окрестности гудками, тепловоз вырвался на степной простор. Впрочем, степью, в понимании Мишки, местность за окном назвать было сложно; она была не ровной, как стол, какой привык он видеть её в Калмыкии, а холмистой. До самого горизонта, на сколько хватало глаз, по обе стороны поезда тянулись голые сопки. На этих сопках, в отличие от заснеженной тайги, совсем не было снега, и, мало того, на многие километры нигде не было видно человеческого жилья. Этот пейзаж в душе вышедшего покурить в тамбур парня вызывал какие-то тягостные чувства. Попыхивающий папироской стоящий рядом сержант, хлопнув его по плечу, засмеявшись, сказал: «Что, салабон, тоскливо? Привыкай, это Маньчжурия... Здесь говорят: “Бог создал Сочи, а чёрт Харанор и Могочи...” А мы как раз в Харанор и едем». Загасив окурочек, сержант ушёл в вагон, а Мишка ещё долго стоял в тамбуре и рассматривал мелькавшие за окном унылые картинки.

Железная дорога была однопутной, и, пропуская встречные составы, поезд с призывниками подолгу стоял на станциях и разъездах. На стоянках новобранцы, плюща об окна носы, с большим интересом рассматривали пристанционные постройки и прилегавшую к железной дороге местность. Выросшие и жившие в Сибири, они, привыкшие видеть у себя на родине могучие сосны, ели, кедры и добротные рубленые дома, с удивлением смотрели на ветхие

покосившиеся строения барачного типа и чахлые одинокие тополя. Исключения составляли лишь военные городки, находившиеся почти в каждом населённом пункте по пути следования состава; в них, словно близнецы, стояли панельные многоэтажки для офицеров и покрашенные охрой солдатские казармы. Унылая картина сопки Маньчжурии, открывающаяся взору призывников, действовала на них удручающе. На станцию Харанор поезд прибыл ближе к утру.

Заранее оповещённые сопровождающими сержантами на предыдущей станции, что на следующей выходить, заспанные новобранцы, зевая, спрыгивали на перрон и сразу попадали в объятия пронизывающего до костей северного ветра. Коренные сибиряки, выдавшие морозы под минус пятьдесят, пряча руки в карманы своей драной одежды, с удивлением думали: «Это сколько же сейчас градусов?» Мишка, оказавшийся на перроне одним из первых, поглубже натянув на голову старый заячий треух и запахнув рваный полушубок, с благодарностью подумал о своих товарищах, собиравших его в дорогу в далёкой Новой Игирме. Покрутив по сторонам головой, он обнаружил крохотный потемневший от времени деревянный вокзал с табличкой на фасаде «Ст. Харанор. Забайкальской ж. д.». Чуть в стороне от вокзала светились редкие тусклые огни примыкавшего к нему жилого посёлка; что было за стоявшим у перрона поездом, парень видеть не мог. Вышедшие из вагона первыми два сержанта, пританцовывая на морозном ветру, глядя на ёжившихся от холода новобранцев, посмеиваясь, говорили: «Ничего, привыкайте, салабоны, это только цветочки – ягодки впереди...» Когда все призывники спустились на перрон и поезд, мелькнув красными огнями фонарей, исчез в предутренней мгле, взору прибывших открылась следующая картина: быть может, в километре от вокзала светились огнями несколько многоэтажных зданий. «Воинская часть», – догадались большинство новобранцев. Выстроив новоприбывших в колонну по четыре и сделав перекличку, старший лейтенант повёл призывников к военному городку.

Пронизывающий ветер дул прямо в лица идущих, и даже находившиеся в середине колонны призывники, не говоря уж о тех, кто шёл впереди, дрожали от холода. Но огни приближались с каждым шагом, и мысль, что они скоро окажутся в тепле, грела парням души. Вскоре новобранцы уже смогли рассмотреть, что представляет из себя воинская часть. На переднем плане вырисовывались огороженные забором из бетонных плит одна пятиэтажная и две трёхэтажных казармы, а рядом с ними располагались двухэтажные здания штабов и вытянутые в длину столовые. В стороне от казарм на пологом склоне сопки стояли несколько многоэтажных домов для офицерского состава. Вдалеке виднелись обнесённая забором территория военных складов и автопарков для хранения и ремонта военной техники.

Когда замёрзший до посинения Мишка оказался на территории военного городка, его жизнь и судьбу сразу начала перемалывать подчинявшаяся строгому регламенту воинских уставов беспощадная военная машина. Он даже не успел опомниться, как оказался в гарнизонной бане, где его и других новобранцев, раздевшихся до трусов и бросивших гражданскую одежду в общую кучу, усаживали на табуретки, стоявшие на некотором расстоянии друг от друга, и солдаты срочной службы, исполняя роль армейских парикмахеров, щёлкая машинками безжалостно стригли их пышные шевелюры. Под смех и шуточки стригущих на бетонный пол бани сыпались черные, русые, светлые, рыжие, прямые и кудрявые волосы. Когда Мишкина стриженная голова стала похожа на бильярдный шар, он поднялся с табуретки и, сбросив трусы, шлёпая голыми пятками по бетону, отправился в душ. После того, как парень смыл с себя гражданскую безалаберность и пыль и вышел в предбанник, там его, не медля ни секунды, приняли «ласковые» руки старшины и двух его помощников. Старшина, окинув парня с головы до ног опытным взглядом, повернувшись к подчинённым, загадочно вымолвил: «Сорок восьмой, сорок первый, пятьдесят девятый!» – и тут же под ноги Мишке полетели: солдатское нательное бельё, гимнастёрка, галифе, сапоги, портянки, шапка, шинель, рукавицы и два ремня: широкий с бляхой, на которой была выдавлена пятиконечная звезда, и узкий брезентовый. Не зная, что делать со всем этим, он растерянно смотрел на кучу вещей у своих

ног. «Забирай и одевайся! Следующий!» – выкрикнул старшина. Схватив в охапку обмундирование, парень поспешно отошёл в сторонку, где одевались те, кого обмундировали раньше. Впервые в жизни, надев на себя белые бязевые кальсоны и такую же рубашу, и представив, как он выглядит со стороны, Мишка тут же вспомнил, что не один раз видел в кино: в таких рубашках и кальсонах красных расстреливали белые. А вспомнив, он, про себя усмехнувшись, подумал: «Ну, вот, парень, теперь можно и тебя вести на расстрел...» Но любоваться собой или жалеть себя времени не было, и он поспешно влез в галифе и гимнастёрку. Когда дело дошло до сапог, то ему пришлось вспомнить, как наматывать портянки. С трудом, но он справился с этой задачей и натянул сапоги. В предбаннике было тепло, поэтому надевать шинель и шапку парень не стал. В надежде обнаружить тех, с кем вместе ехали из Иркутска до Харанора, он, оглянувшись вокруг, с удивлением увидел рядом с собой незнакомых людей, одетых в мешковато сидящую на них солдатскую форму.

Когда всех прибывших новобранцев привели в надлежащий армейский вид, сопровождавший призывников старший лейтенант и присоединившиеся к нему несколько незнакомых офицеров вывели их на улицу и построили в две шеренги на дорожке перед зданием. Сделав в очередной раз перекличку, старлей отошёл в сторону, а офицер с погонами майора сказал: «Солдаты, вам выпала большая честь проходить срочную службу в рядах гвардейской орденов Кутузова и Суворова Хинганской мотострелковой дивизии. Сейчас вас распределят непосредственно по подразделениям. Желаю с честью выполнять свой долг перед Родиной и стать отличниками боевой и политической подготовки». Находившиеся за его спиной офицеры стали по очереди выкрикивать фамилии, строить солдат и уводить их в казармы.

Шагая в строю вместе с десятью новобранцами, отобранными капитаном, на петлицах которого красовались скрещенные пушки, Мишка чувствовал себя крохотным винтиком огромной машины, остановить которую невозможно. Он понимал, что, если этот винтик сломается, то эта машина перемелет его и заменит другим. И от этого у него было горько и тягостно на душе. «Но, несмотря ни на что, жизнь продолжается...» – подумал парень.

Глава 2. Учёба

Мишке снился сон, что он в жаркий солнечный день вместе с монастырскими пацанами сидит в тени на берегу Валуя и играет в карты. Как обычно, проиграл Юрка Фриц, и все выигравшие по кругу готовились бить картами по его носу. Мишке повезло: его очередь первая, и он уже занёс руку, чтобы врезать Фрицу по «рубильнику», как тот, зажмурившийся в ожидании удара, вдруг широко открыл глаза и что было мочи голосом сержанта Орлова закричал: «Карантин, подъём! Время пошло! Строиться на зарядку!» Соскочив с кровати, Мишка, опасаясь, что на голову ему может свалиться спавший на втором ярусе грузин Абуладзе, схватил лежавшие на тумбочке галифе и поспешно, путаясь ногами в штанинах, стал их надевать, затем, лихорадочно намотав портянки, натянул сапоги. Напяливая на бегу гимнастёрку, он выскочил на середину казармы и, встав в строй, начал торопливо застёгивать на ней пуговицы. Проснувшиеся по команде сержанта молодые солдаты, как слепые щенки, толкались в проходах между двухъярусными кроватями и, одеваясь на ходу, торопились уложиться в отпущенное для выполнения команды время.

Сержант Паша Орлов (третий год службы, рост сто шестьдесят пять сантиметров, курносый нос, скуластое лицо и маленькие глазки), одетый в не по уставу ушитое галифе, в сияющих, как солнце, яловых сапогах и в офицерской шапке на затылке, стоя на середине казарменного помещения, не отрываясь смотрел на секундную стрелку наручных часов. Как только она отсчитала сорок пять секунд, Орлов, подняв вверх руку, громко скомандовал: «Стоп! Время вышло! Всем стоять!» Пройдя вдоль строя и придирчиво осмотрев всех, Паша, остановившись напротив Абуладзе, приказал ему снять сапоги. Когда тот разулся, все увидели, что кирзачи у него были надеты без портянок. Стоя босыми ногами на натёртом до блеска полу, эмоциональ-

ный грузин виновато проговорил: «Товарищ сэржант, ну нэ могу я их наматыват! Нэ получается!» «Разговорчики в строю! Не можешь – научим, не хочешь – заставим... Полчаса личного времени будешь учиться наматывать портянки... Кстати, а где они?» – строго спросил сержант. «Быкову под подушку засунул», – потупился Абуладзе. Мишка, стоявший рядом с ним, локтем больно ткнул его под ребро. Солдаты сдержанно засмеялись.

«Уклонисты, выходите...» – заметив какое-то движение в глубине спального помещения, забыв про портянки грузина, произнёс Орлов. Оттуда на середину казармы, несмело вышли трое молодых солдат: дитя Севера, не знавший ни единого слова по-русски якут Миша Потопов; болезненного вида, нескладный и худой, как узник Бухенвальда, очкарик Витька Коротенко и обутый в валенки (старшина не мог найти нужного размера сапог) рослый белобрысый с непропорционально большой головой, неизвестно как державшейся на тонкой шее, плохо говоривший по-русски эстонец Яма Терас. «Та-ак, – протянул сержант, – те же на манеже... Что мне с вами делать? Ладно, становитесь в строй». Дождавшись, когда три уклониста втиснулись на свои места, Паша громко скомандовал: «Всем отбой! Время пошло!» Солдаты, на ходу стаскивая с себя гимнастёрки, сломя голову помчались к своим кроватям. Побросав на тумбочки и табуретки скомканное обмундирование, они нырнули под одеяло. Когда все улеглись, Орлов снова закричал: «Подъём!» А чтобы служба не казалась мёдом, сержант ещё три раза прорепетировал команды «отбой», «подъём», затем, построив солдат, приказал ефрейтору Криворучко вести их на утреннюю зарядку. Так начался у Мишки десятый день прохождения курса молодого бойца – в просторечье карантина.

Казалось бы, что такое десять дней? Пустяк! Но, проведённые в карантине, они показались Мишке вечностью и заставили его, с большим трудом привыкавшего к тяготам и лишениям воинской службы, забыть про многие гражданские привычки. Ему, любившему планировать своё время самостоятельно, было сложно приспособиться к чёткому распорядку дня и отсутствию свободного времени. Нет, конечно, свободное время было, но всего час, и его едва хватало написать домой письмо и подшить подворотничок на гимнастёрку. Весь день, с подъёма до отбоя, был так плотно утрамбован различными занятиями, что к десяти вечера парень валился с ног. Политзанятия, тактическая, физическая, строевая подготовки, утренняя зарядка, вечерняя прогулка, вечное хождение строем высасывали из него жизненные силы. Завтрак, обед и ужин порционно и строго по часам провоцировали в молодом желудке постоянное чувство голода. И хотя Мишка, давно отвыкший от маминых пирожков и оладий, уже много лет питался в столовой, простая солдатская однообразная пища – каша и макароны без всяких изысков и излишеств – в первый день вызвала у него неприятие, но уже на второй день он уплетал их за обе щеки и с удовольствием бы попросил добавки.

Но по порядку... Когда их, помытых, подстриженных, одетых в новую форму, офицер привел в казарму и передал с рук на руки сержанту Орлову, тот рассказал, что штаб Хинганской дивизии находится в посёлке Даурия, расположенном в тридцати километрах от Харанора. Там же расквартированы основные силы: мотострелки, или попросту пехота, танкисты и различные вспомогательные и тыловые подразделения. А здесь, в Хараноре, служат артиллеристы, реактивщики и ракетчики. «И вам, – сказал сержант, – посчастливилось нести службу в гвардейском ракетном дивизионе...» После этих слов он повёл солдат на завтрак. Уставшие с дороги парни думали, что после завтрака им дадут отдохнуть, но не тут-то было... Приказав надеть шинели, Орлов, построив в колонну по трое, повёл их на плац заниматься строевой подготовкой.

На плацу было зябко и неудобно. Пронзительный северный ветер, гнавший морозный воздух откуда-то из Якутии, насквозь продувал серое сукно шинели, беззастенчиво проникал под тонкую хлопчатобумажную ткань галифе и гимнастёрки, забирался под бязевые кальсоны, рубаху и ледяным холодом обжигал тело. За то время, пока сержант, важно прохаживаясь перед строем, рассказывал, а затем показывал, как нужно ходить строевым шагом, у молодых

солдат посинели носы, у некоторых потекли сопли, и они за неимением носовых платков вытирали их тыльной стороной рукавиц, многих била мелкая дрожь. Так как трёхпалые солдатские рукавицы грели плохо, а наматывать портянки многие ещё не умели, то у большинства стоявших в строю мёрзли руки и ноги. Пытаясь согреть руки, новобранцы засовывали их в карманы шинели, а те, у кого мёрзли ноги, пританцовывая, стучали сапогом о сапог. Наблюдая всю эту картину, Орлов, чтобы совсем не заморозить солдат, перешёл к практическим занятиям. И ещё около часа трясущиеся от холода молодые бойцы, вытягивая носок и стараясь не сгибать ноги в коленях, под присмотром сержанта учились ходить строевым шагом. Но всё кончается, и, когда они уже потеряли всякую надежду попасть в тепло, Паша, закончив занятия, строем повёл их в казарму.

После того, как парни отогрелись, он стал их учить, как нужно заправлять кровать, укладывать перед сном обмундирование, подшивать подворотничок на гимнастёрку, наматывать на ноги портянки и многим другим мелочам, необходимым в повседневной армейской жизни. Мишка, проживший больше четырёх лет в общаге, легко усвоил все эти премудрости и, справившись раньше всех, с интересом наблюдал, как мучаются никогда не державшие в руках иголку его товарищи. Потом были ещё занятия по изучению воинских уставов и знакомство с автоматом Калашникова, обед, ужин и прогулка перед сном. Когда в десять вечера сержант дал команду «отбой», молодые солдаты, шатаясь от усталости, забыв о том, что перед тем, как лечь спать, нужно аккуратно сложить обмундирование и, обмотав портянками голенища, на своё место поставить сапоги, побросав всё где попало, забрались под одеяла. Дождавшись, когда последний новобранец уляжется на кровать, Орлов, глядя на часы, скомандовал: «Подъём! Время пошло!». Сделав карантину три раза «отбой», «подъём» и не добившись никаких результатов, он, сказав, что так будет до тех пор, пока все не станут укладываться в нормативы, дал окончательный «отбой».

Утром следующего дня в карантин прибыло пополнение. И если в команде, с которой приехал Мишка, были все русские и один бурят, то состав прибывших был многонационален, и это немного напрягало. Молодых бойцов стало тридцать человек, и в помощники сержанту Орлову дали ефрейтора Петра Криворучко. Ефрейтор служил только второй год, поэтому одет был строго по уставу: чистая выглаженная форма, начищенные кирзовые сапоги, свежий подшитый подворотничок, солдатская шапка и сияющая, как солнце, бляха. Но самым неприятным было то, что Криворучко оказался родом с Западной Украины – то бишь хохол. А ещё задолго до призыва Мишка слышал от пришедших из армии пацанов, что хохлы готовы за лычку продать родную мать. Недаром в солдатской среде на этот счёт широко гуляла поговорка: «Хохол без лычки как справка без печати». «То есть, чтобы заработать вторую лычку на погоны, ефрейтор будет нещадно гнобить молодых солдат», – думал парень.

Следующий день как две капли воды был похож на предыдущий, за исключением одного происшествия: когда солдаты пошли одеваться, чтобы идти на строевую подготовку, Мишка и ещё пятеро его сослуживцев обнаружили, что у них украли рукавицы. Правда, вору оказались не совсем лишёнными совести: забрав новые, они оставили старые – замусоленные и рваные. Досадно было, что доставшаяся Мишке правая рукавица была с огромной дырой. Когда парень в надежде, что ему помогут, доложил о происшествии сержанту, он, посмотрев на молодого бойца как недоумка, произнёс: «Могли бы и ничего не оставить».

На плацу Орлов, построив молодых бойцов, приказал: «Рассчитаться на первый, второй!» С «первыми» номерами он стал заниматься сам, а «вторые» отдал ефрейтору. Мишка попал под начало Криворучко. Невзирая на то, что на улице, как и вчера, было минус двадцать пять и обжигающий северный ветер, ефрейтор никому из бойцов не позволял прятать руки в карманах шинели. Мало того, построив отделение, он сразу же предупредил: «Всех, кто будет замечен мной держащим в карманах руки, заставлю зашить все карманы на обмундировании. А те, кто

рукавицами вытирает сопли, по возвращении в казарму будут стирать рукавицы. Запомните, бойцы: здесь воинское подразделение, а не институт благородных девиц».

Занятия строевой подготовкой продолжались ровно час. Ефрейтор отрабатывал с поси-невшими от холода бойцами строевой шаг, повороты направо и налево, учил отдавать честь старшему по званию. Когда солдаты возвратились в казарму, Мишка, сняв рукавицы, увидел, что два пальца правой руки, большой и указательный, были белыми и бесчувственными. «Обморозил...» – со страхом подумал он и, не теряя ни секунды, стал оттирать их полкой шинели. Шоркая сукном по пальцам, парень с тревогой думал: «А что если я их не ототру, и мне их отрежут? – и тут же внутренний голос, усмехнувшись, ответил ему: – Дурачок, если отрежут указательный палец, тебе радоваться надо. Нет пальца, нечем нажимать курок. Кому нужен такой солдат? Тебя комиссуют...» Но, к счастью, кожа на пальцах вскоре стала из белой превращаться в розовую, и внутренний голос замолчал.

В третий день на вечернюю прогулку молодых бойцов вывел ефрейтор Криворучко. Прогулка длилась несколько минут – один круг по плацу; по этой причине солдаты в любую погоду на неё выходили без шинелей. Когда они, построившись в колонну по трое, и стараясь не сбиться с ноги, зашагали по краю плаца, ефрейтор скомандовал: «Запевай!» Парни, певшие хором последний раз в четвёртом классе начальной школе, угрюмо молчали. Пройдя круг, они думали, что Криворучко завернёт их на дорожку, ведущую к казарме, но тот, стоявший у этой дорожки, снова отдал команду: «Запевай!» Изрядно продрогшим молодым солдатам стало ясно, что ефрейтор будет гонять их до тех пор, пока они не запоют песню. Половину второго круга бойцы прошли молча, а потом кто-то шедший в середине строя, негромко и несмело запел: «Путь далёк у нас с тобою, веселей, солдат, гляди... – и уже в следующее мгновение песня, которую знал почти каждый живущий на просторах огромной страны, была подхвачена остальными: – Вьётся, вьётся знамя полковое – командиры впереди. Солдаты, в путь...» Остановив замёрзших до зелёных соплей молодых бойцов, Криворучко спросил: «Кто запел песню?» Из глубины строя раздался чей-то голос: «Я». «Кто “я”?» Отвечать по уставу!» – строго сказал ефрейтор. «Рядовой Барвенов!» – чётко ответил солдат. «Рядовой Барвенов, выйти из строя!» – скомандовал Криворучко. Отодвинув стоявшего впереди, боец вышел вперёд. «С завтрашнего дня займёте место в первом ряду – будете запевалой», – приказал ефрейтор и повёл солдат в казарму.

На пятый день у Мишки украли шинель. Украли не только у него, а ещё у троих молодых солдат. «Да что же это за напасть такая? Сперва рукавицы свистнули, теперь вот шинель... Охоту, что ли, открыли на меня? – подумал он. Но, пораскинув мозгами, парень пришёл к выводу, что объяснить это всё просто – шинели на вешалке висели в алфавитном порядке фамилий владельцев, а так как его фамилия начиналась на букву «Б», то и шинель висела одной из первых. А значит, вор, боясь, что его застанут на горячем, брал то, что поближе.

По опыту зная, что к сержанту по поводу кражи обращаться бесполезно, он не стал горевать по потере, а начал искать в этом какие-нибудь плюсы. Первым плюсом было то, что вот и на этот раз вор оказался совестливым – взамен новенькой шинели, к которой парень только вчера пришёл погоны, оставил поношенную. Осмотрев её, Мишка обнаружил второй плюс – шинель была вполне приличной, не сильно потёртой и без дыр. Третьим плюсом было то, что другим его товарищам по несчастью повезло меньше: у двоих, доставшиеся им шинельки оказались с дырами, а у третьего она была обрезана и не закрывала даже колен. Мишку стал мучить вопрос: «Что ж это за воры такие совестливые? Не воры, а менялы...» Ответ на него он получил быстро. Призванный из Прибалтики солдат, литовец по национальности, которому оставили обрезанную шинель, показывая её ефрейтору, пытался на плохом русском языке объяснить, что его обворовали. Криворучко, спросив солдата, была ли подписана шинель, получив отрицательный ответ, слушать его не стал и приказал одеваться и идти строиться. Сам же, подойдя к сержанту Орлову, недалеко от которого одевался Мишка, сказал: «Товарищ

сержант, нужно что-то делать, а то они к присяге будут у нас похожи на оборванцев». На что тот ему ответил: «А что тут сделаешь? Так было до нас и будет после нас. “Деда” на дембель готовятся, не ехать же им домой в тряпье. Да и, скорее всего, это и не наши воруют, а из арт-полка, а там попробуй найди... Хотя без наших тут не обошлось. Чужой как может в казарму зайти? Нужно поспросить у дневальных, кто ночью здесь крутился». «Вот оно что, – подумал парень, – это к дембелю “деды” готовятся. Но больше шинели не воровали – сержант Орлов, видимо, с кем-то переговорил.

На седьмой день пребывания в карантине, построив личный состав, чтобы вести их на ужин, ефрейтор, прохаживаясь перед строем, произнёс длинную речь: «Я неоднократно предупреждал, что тем, кто, нарушая устав, будет ходить, засунув руки в карманы, прикажу их зашить. Я долго терпел, и вот сегодня моё терпение кончилось. После того, как мы вернёмся в казарму, приказываю рядовым Евсюкову и Керимбаеву зашить карманы на пять дней. И пусть радуются, что сейчас зима и негде взять песка, иначе я бы приказал насыпать в карманы песок и ходить так, пока он не высыплется». По возвращении из столовой весь карантин наблюдал, как два призванных из Казахстана новобранца, не снимая брюк, зашивали себе карманы.

На двенадцатый день, когда молодые бойцы более-менее втянулись в ритм армейской жизни, за исключением эстонца Яамы, который по причине отсутствия сапог не ходил на строевую подготовку, Мишку и ещё одного парня вызвали к командиру взвода связи, и тот объявил, что они направляются на учёбу в дивизионную школу младших специалистов. Уже через час оба солдата в сопровождении замкомвзвода связи сержанта Заринского сидели в обтянутом серым брезентом ГАЗ-69, который, прыгая по кочкам и ухабам, вёз их в Даурию. Прильнув к маленькому мутному окошку, Мишка за всю дорогу не увидел ничего, на чём бы мог остановиться его взгляд: пустынная местность, бесконечные голые сопки, ни деревца, ни признаков человеческого жилья на протяжении всех тридцати километров. Наконец они въехали в посёлок и, пропетляв по окраине, остановились у штаба дивизии.

Расположенный на стыке трёх границ посёлок Даурия разительно отличался от Харанора. Возникший ещё в царские времена как разъезд при строительстве железной дороги от русского города Читы до китайского Маньчжурия, он впоследствии оброс поселением и стал сторожевым форпостом России, находящимся на ближних подступах к Китаю и Монголии. Расстояние от Даурии до границ этих государств составляло всего двенадцать километров. Существование с дореволюционного времени военного гарнизона в посёлке подтверждалось хорошо сохранившимися до нынешних дней построенными на века казачьими казармами. Кроме этих красных кирпичных казарм, в Даурии было очень много зданий современной застройки: многоэтажные жилые дома, магазины, школа, детсад, Дом офицеров и, конечно, как в любом другом гарнизоне, автопарки для хранения и ремонта боевой техники. Главной исторической достопримечательностью посёлка была Долина смерти – место, где в годы гражданской войны ухидивший в Китай атаман Семёнов расстрелял более трёх тысяч красных партизан и тех, кто не захотел уйти с ним.

Когда Заринский, оформив все документы, сдал молодых бойцов сержанту в школе младших специалистов, тот, в первую очередь закрепив за солдатами койки в казарме, повёл их в учебный класс, по пути рассказывая, что учиться они будут на радиотелеграфистов. Учебный класс напомнил Мишке аудиторию техникума. Здесь так же был стол преподавателя и в три ряда столы для учащихся. Отличие состояло в том, что в этом классе каждое учебное место было оборудовано ключом для выстукивания азбуки Морзе и наушниками, а у преподавателя стоял пульт, к которому для контроля процесса обучения были подключены ученики. Школа, в которую попал Мишка, отличалась от карантина тем, что почти всё учебное время солдаты посвящали обучению воинской специальности. Здесь не было ни строевой, ни физической подготовки.

Учёба началась с того, что, ознакомив бойцов с азбукой Морзе, сержант, проводивший занятия, дал задание за день выучить её. Мишке вначале показалось, что это сделать невозможно, но когда преподаватель объяснил, что каждую букву и цифру, закодированную при помощи точек и тире, можно напеть, то дело сразу пошло на лад. Например, цифра два – две точки три тире (ти-ти-та-та-та) звучала как: «Я-на-гоор-куу-шлаа», а семёрка – два тире, три точки (та-та-ти-ти-ти) – «Дай-дай-за-ку-рить», и так можно было пропеть все цифры и буквы алфавита.

Теперь, когда была выучена азбука Морзе, солдаты целыми днями отстукивали точки и тире, пытались принимать на слух радиogramмы и изучали устройство радиостанций. Научиться правильно работать на ключе было непросто, а уж принимать на слух азбуку Морзе ещё сложнее, но время шло, и по истечении нескольких дней большинство бойцов уже уверенно стучали и принимали коротенькие тексты.

Мишку, как и всех прибывших на учёбу из других подразделений, кормили в столовой мотострелкового полка, и он с удивлением обнаружил, что пехоту, в отличие от ракетчиков, кормят намного хуже. А обнаружив, стал размышлять: «Почему так? Казалось бы, армия одна – советская, даже дивизия одна, и называется она мотострелковая, а кормят по-разному...» Хорошо пошевелив мозгами, он пришёл к выводу, что всё зависит от количества солдат в подразделении. На полк, в отличие от дивизиона, приготовить сложнее, но зато проще и больше можно украсть. И вообще, в очередной раз наблюдая, как в лютый холод возвращаются с тактических занятий «сопка ваша – сопка наша» падающие от усталости с обмороженными щеками, носами и пальцами пехотинцы, он не один раз вспомнил слова сержанта Орлова, что повезло тем, кто попал служить в ракетный дивизион. А вспоминая это, он с удивлением замечал, что о Хараноре он думает словно о родном доме – ему хочется побыстрее возвратиться туда.

Обучение подходило к концу; вскоре молодым солдатам предстояли экзамены, и они до смерти запуганные сержантами, ежедневно говорившими, что те, кто не сдаст на третий класс, будет всю службу бегать с телефонной катушкой, целыми днями, не снимая наушников, просиживали в классе. Мишка бегать с катушкой точно не хотел, поэтому старался как никогда, и его труды увенчались успехом – через два дня, успешно закончив школу младших специалистов, в свою часть возвратился радиотелеграфист третьего класса рядовой Быков.

За его отсутствие в карантине произошли изменения: перевели в стройбат не знавшего ни одного слова по-русски якута Мишу Потапова и положили на обследование в госпиталь эстонца Яаму Тераса; все остальные молодые бойцы были живы-здоровы и готовились к принятию присяги. Жизнь продолжалась...

Глава 3. Дедовщина

По случаю представления нового командира ракетный дивизион был выстроен на плацу развёрнутым строем с Боевым Знаменем. Прибывший по замене из Германии, где он служил начальником штаба такого же подразделения, подполковник Байков, коренастый мужчина среднего роста с волевым лицом, понимал, что здесь, в Забайкалье, всё другое: климат, условия службы, люди и даже сама обстановка, обусловленная обострением отношений с Китаем, совсем не такая, как там, где он проходил службу до этого. Но служба есть служба – дисциплина и порядок должны быть на первом месте.

Представленный лично составу гвардейского подразделения самим командиром дивизии, подполковник, внимательно всматриваясь в лица ракетчиков, неподвижно стоявших на пронизывавшем до костей морозном ветру, медленно обошёл строй. Что он хотел увидеть в глазах солдат и офицеров, никто кроме него знать не мог, но многие из них, встретившись с взглядом с Байковым, почувствовали себя неуютно.

Закончив обход вверенного ему подразделения, новый командир части, остановившись в центре плаца, чётким, хорошо поставленным голосом, произнёс: «Ракетчики, вступая в командование вверенным мне дивизионом, я, как полагается по Уставу, для приёма жалоб и заявле-

ний обязан назначить время, место и порядок опроса личного состава. Чтобы не откладывать это в долгий ящик, мы сейчас проведём опрос. У кого есть жалобы и заявления – выйти из строя...» Стоявшие в две шеренги почти двести военнослужащих не шелохнулись. Выждав какое-то время, подполковник снова заговорил: «Ну что ж, если ни у кого нет никаких претензий, это не значит, что в нашем дивизионе нет нарушений воинских уставов и дедовщины. Вчера мне доложили, что прибывших десять дней назад из учебного подразделения двух младших сержантов уже в следующую ночь после прибытия подстригли наголо старослужащие. Кто-то из вас сейчас подумает: “Какой пустяк – подстригли наголо!” Нет, это не пустяк, а воинское преступление, потому что насилию подверглись командиры. По этому преступлению прокуратура проведёт следствие, и преступники будут наказаны по всей строгости закона. До окончания следствия я отдал приказ приостановить демобилизацию старослужащих».

Когда новый командир дивизиона заговорил о прокуратуре, у Мишки, уже изрядно продрогшего от стояния на ветру, мелькнула мысль, что он мог бы без всякого следствия рассказать, кто и когда подстриг молодых сержантов, но делать этого, конечно, не будет. Скопив глаза на ефрейтора Моисеева, стоявшего чуть правее его в первой шеренге и, заметив, как при словах подполковника о приостановке демобилизации старослужащих нервно дёрнулся его левый глаз, он злорадно подумал: «Ну что, гнида, допрыгался... Что ты теперь запоёшь?» Командир ещё что-то говорил, и парень, не зная, сколько ему придётся стоять на плацу, чтобы чем-то отвлечь себя от проникавшего под одежду холода, стал вспоминать, что случилось после принятия присяги, когда его, теперь уже полноценного бойца, перевели во взвод связи.

Взвод связи, которым командовал старший лейтенант Молоков, худощавый веснушчатый мужчина, находился в прямом подчинении у командира дивизиона и считался элитным подразделением. С одной стороны, это было хорошо: чем меньше над тобой начальников, тем лучше, с другой – быть всегда на виду у начальства плохо. Структурно взвод делился на два отделения: радистов и телефонистов. Отделение радистов состояло из пяти передвижных радиостанций, установленных на автомобилях ГАЗ -69. В каждом автомобиле находилось три человека: командир радиостанции, радиотелеграфист и водитель. В заднем отсеке «газика» располагались две стационарно установленных радиостанции Р-108Д, аккумуляторные батареи и сидел радиотелеграфист. Два передних места занимали командир и водитель. Экипажем, к которому, согласно штатному расписанию, приписали Мишку, командовал сержант Вася Зарецкий – высокий русоволосый парень, а водителем был коренастый курносый крепыш – рядовой Витя Горлышкин. Оба они служили второй год, и на Мишку по праву смотрели свысока.

К слову сказать, после карантина армейская жизнь парня заметно изменилась. Во-первых, у него появилось оружие – автомат Калашникова, правда, находился он в оружейной комнате или, как называли её солдаты, – оружейке и выдавался только когда боец заступал в караул или шёл на стрельбище, но номер автомата вписали в военный билет, и оружие теперь нужно было периодически чистить. Во-вторых, старшина выдал парадный мундир, или, попросту говоря, «парадку», и зимнюю рабочую одежду – ватный бушлат цвета хаки, который, в отличие от шинели, был теплее, практичнее и удобней. В-третьих, теперь Мишка, как и все солдаты, назначался в наряды и раз в неделю ходил в автопарк выполнять работы по обслуживанию техники.

Наряды были трёх видов: в караул, на кухню и дневальным. В караул и на кухню пока он не ходил, а вот дневальным по казарме побывать уже успел. Впервые заступая в наряд, парень, как и положено по Уставу, начистил до блеска сапоги, подшил свежий подворотничок, перечитал в Уставе обязанности дневального, но, честно говоря, всё равно немного волновался – вдруг на разводе сделают замечание. Но всё обошлось, и он, с двумя бойцами: бывшим карантинным запевалой Генкой Барвеновым и служившим второй год рядовым Игорем Пешковым под командованием сержанта Колесника, получив в оружейке штык-ножи, пошёл принимать казарму у старого наряда. Пока сержант считал с предыдущим дежурным оружие и боепри-

пасы, Пешков и сопровождавшие его Мишка и Генка осматривали чистоту и порядок в помещении. Собственно, осматривал Игорь, а молодые бойцы ходили за ним следом и запоминали, на что нужно обращать внимание. «Главное, чтобы не были забиты унитазы и раковины – а то придётся нам всю ночь пробивать засоры. Ну и, конечно, нужно посмотреть, чтобы из урн мусор вынесли, а остальное по ходу дела», – поучал Пешков молодых солдат.

Обязанности дневальных просты до безобразия. Один из них с пристёгнутым к ремню штык-ножом постоянно стоит у столика напротив входной двери или, как говорят солдаты, у тумбочки. Его задача наблюдать за оружейной комнатой, следить, чтобы в казарму не проникли посторонние люди, а также при входе в помещение прямых начальников подавать команду: «Смирно!» У тумбочки дневальные стоят по очереди, в это время два других занимаются поддержанием чистоты и порядка в казарме. Попросту говоря, драят унитазы, моют туалеты и натирают мастикой пол.

Вечером после отбоя, когда офицер, проведя вечернюю поверку, ушёл домой, сержант Колесник, построив дневальных, явно кому-то подражая, раскачиваясь с пятки на носок, строго произнёс: «Хочу предупредить молодых бойцов, что наряд — это не сарафан и не платье девушки, а служба. Я сейчас уйду к дежурному по части, но к моему возвращению санузел должен блестеть, как у кота яйца. Приду – проверю. Не справитесь – спать будете стоя, как лошади». Затем, показав на каждого солдата пальцем, произнёс: «Пешков идёт отдыхать, Быков – к тумбочке, Барвенков – драит туалет. Буду нужен – звоните дежурному по части». Повернувшись, он покинул казарму. «С лейтенантом Садыковым пошёл играть шахматы», – усмехнувшись, произнёс Игорь и отправился спать.

В расположении взвода установилась тишина. Большинство солдат, вымотавшись за день, почти сразу после отбоя, крепко обняв подушки, провалились в глубокий здоровый сон. До стоявшего у тумбочки дневального из спального помещения доносились лёгкие посапывания, похрапывания и сонные бормотания защитников Родины.

Прошло, наверное, около часа; никто не ходил по казарме, никто из неё не выходил и не заходил, и Мишке, забывшему, когда он последний раз оставался наедине с самим собой, даже стало немного не по себе. «А не сходить ли мне к Генке? Курить хочется, заодно посмотрю, как идут у него дела», – прислушиваясь к доносившимся из санузла звукам, подумал он. Оглядевшись по сторонам и не увидев ничего подозрительного, парень покинул пост.

Работа у запевалы шла полным ходом – сняв гимнастёрку и засучив рукава, он с усердием елозил шваброй по выложенному керамической плиткой полу туалета. Увидев Мишку, Генка бросил свой инструмент, смахнул тыльной стороной руки пот со лба и, улыбнувшись, спросил: «Менять пришёл?» «Нет, курить захотелось», – ответил парень. Не успели они перекинуться парой фраз и выкурить по полпапироски, как из казармы послышался чей-то крик: «Где дневальный?!» Бросив непогашенный окурочок в урну, Мишка выбежал из туалета. Рядом с тумбочкой стоял ефрейтор Моисеев.

Ефрейтор отслужил три года; по этой причине он, как и все старослужащие, носил почётное звание «дембель», или «дед», и был на самой вершине казарменной иерархии. До демобилизации ему оставались считанные дни. По сложившейся в солдатской среде традиции, «деды» имели неограниченную власть над теми, кто был призван в армию позже них. И хотя со стороны командования на словах с явлением, называемым дедовщиной, велась борьба, большинство офицеров знали, что в их отсутствие дисциплина среди солдат поддерживается именно «дедами», и поэтому закрывали глаза на их «мелкие шалости». «Дембелям» позволялось не ходить на зарядку, их никогда не назначали дневальными и на кухню, они могли носить офицерские сапоги и шапки, да что там сапоги и шапки – им прощались любые нарушения формы одежды, они без строя ходили в столовую, свободно передвигались по казарме после отбоя и делали ещё много других вещей, которые не позволялись солдатам более позднего призыва.

Вот и сейчас на ногах ефрейтора сияли заломленные гармошкой хромовые сапоги, а в разрезе распахнутого воротника гимнастёрки была видна тельняшка. «Ты где шляешься, молодой?» – дыхнув в лицо дневальному сивухой, спросил он. «Прижало. В туалет ходил», – делая вид, что застёгивает ширинку, ответил парень. «Ты знаешь, что бывает за оставление поста?» – снова задал вопрос Моисеев. Мишка промолчал. «Значит, так. Скоро вас будем “приводить к присяге”, так вот к двадцати пяти положенным “горячих” тебе ещё добавим десять...» – самодовольно ухмыльнувшись, ефрейтор, покачиваясь, пошёл в сторону спального помещения. Почти сразу же из глубины оно послышался шум, и чей-то сонный голос недовольно забубнил: «Я командир, вы не имеете права... Я буду жаловаться... Короткая причёска не противоречит Уставу...» На эти слова голос Моисеева ответил: «Молодые все должны быть подстрижены наголо. Такой закон». Через несколько минут дневальный увидел, как в сопровождении ефрейтора Моисеева, понунив головы, зашли в каптёрку два заспанных, только вчера прибывших из Читинской учебки сержанта. Минут через пятнадцать они вышли оттуда подстриженными «под ноль».

Думая о словах ефрейтора, сказанных про «присягу», Мишка вспомнил, что ещё в карантине ходили слухи, что старослужащие «приводят к присяге» всех молодых солдат – бьют большой поварской ложкой по голой заднице. Понимая, что это неизбежно, как снег зимой, – парень поёжился и тяжело вздохнул.

Вернувшийся после полуночи сержант Колесник, осмотрев туалет, работой дневальных остался доволен. Остаток ночи прошёл без всяких происшествий. А утром, ещё до подъёма личного состава, в распоряжение взвода зашёл дежурный по части старший лейтенант Садыков и напрямик направился в туалет. Солдаты, зная, что там у них порядок, внимания этому не придали, подумав: «Офицер тоже человек, может, приспичило...» Но не прошло и минуты, как из санузла раздался крик дежурного по части: «Что делают в расположении части посторонние? Дневальный, ко мне!» Рядовой Пешков в это время стоял у тумбочки, поэтому Мишка и Генка, недоумённо переглянувшись, сломя голову помчались выполнять команду старшего лейтенанта. Распахнув дверь, они увидели, что, кроме Садыкова, в умывальнике больше никого нет. Остановившись в метре от офицера, Мишка спросил: «Где посторонний, товарищ старший лейтенант?» Дежурный по части молча указал пальцем на эмалированную раковину. Переведя на неё взгляд, парень обнаружил сидящего в раковине рыжего таракана с длинными усами. «Видите? Как он проник в расположение воинской части? Почему его никто не остановил?» – глядя на стоявших перед ним солдат, сыпал вопросами Садыков. «Мы сейчас его уберём», – кинулся к раковине Генка. «Стоять! Смирно! – скомандовал дежурный, – я покажу его вашему старшине. Пускай полюбуется, что творится в его хозяйстве!» Достав из кармана спичечный коробок, он, открыв его, спичкой загнал туда таракана. Спрятав коробок в карман, Садыков, посмотрев на дневальных, стоявших перед ним по стойке смирно, сказал: «Вольно. Вы свободны...» Обескураженные случившимся, Мишка и Генка с кислыми лицами вышли из туалета. Увидевший их Пешков, заулыбавшись, сказал: «Что, таракана показывал?» Удивлённый его проницательностью, Мишка спросил: «А ты откуда знаешь?» «А он тараканом всех молодых разыгрывает. Принесёт его в спичечном коробке и начинает спектакль устроить», – ответил Игорь.

Из воспоминаний в действительность молодого бойца, вывел толчок в бок Вити Горлышкина, стоявшего рядом с ним: «Ты что, заснул? Сейчас торжественным маршем пойдём...» Когда после прохождения торжественным маршем изрядно продрогшие от долгого стояния на ветру солдаты возвратились в казарму, к Мишке подошёл ефрейтор Моисеев. Отведя парня в сторонку, он, пряча глаза, произнёс: «Слышь, Быков, если тебя будут спрашивать, ты не говори, что видел меня в ту ночь». Прикинувшись, что не понимает, о чём идёт речь, молодой солдат спросил: «В какую ночь?» «Ну, когда сержантов подстригли...» – ответил «дембель». «А как же десять “горячих”?» – усмехнулся Мишка. «Да я пошутил. Я думаю, теперь вас “приводить к

присяге” никто не станет – побоятся», – произнёс ефрейтор. Немного помолчав, парень сказал: «Да я ничего и не видел – в туалет отходил».

На следующий день в часть приехал следователь военной прокуратуры. И закрутились безжалостные жернова прокурорской мельницы. Мишку вызвали на допрос одним из первых. Следователь в звании капитана, отодвинув в сторону бланк протокола, доверительно, будто приятеля, спросил Мишку: «Ну, рассказывай, что ты видел в ту ночь?» «В какую ночь?» – вопросом на вопрос ответил тот. «Ну, в ту, когда “дембеля” сержантов подстригли. Ты же дневальным был, не мог не заметить, что в расположении после отбоя происходило. Кто ходил, куда ходил. Всё рассказывай. Да ты не бойся, никто тебя не тронет. Мы их посадим», – сказал капитан. «Ага, не бойся... Ты уедешь, а мне служить здесь... – подумал парень, а вслух сказал: – Не видел я ничего...» И сколько следователь ни бился, Мишка стоял на своём: «Я ничего не видел». Но, невзирая на его показания, ефрейтора Моисеева и ещё двух «дембелей» через два дня арестовали. А по прошествии месяца, когда у пострадавших сержантов отросли волосы, а ракетчики уже почти забыли об этом случае, личный состав дивизиона был ознакомлен с приговором военного трибунала. Стоявшие на плацу солдаты узнали, что ефрейтор Моисеев получил два года лишения свободы с отбыванием срока наказания в дисциплинарном батальоне, а два его подельника – по полтора. После зачитания приговора трибунала в гвардейском ракетном дивизионе не осталось желающих «приводить к присяге» молодых солдат, да и в общем на какое-то время дедовщина в части стихла.

Время неумолимо шло, и Мишка, как и все, постепенно втянулся в армейскую жизнь; он окреп, стал меньше уставать, как это было вначале, а самое главное, исчезло постоянное чувство голода. Наряды на кухню, в караул, строевая подготовка, работа в автопарке, подъёмы, отбои, зарядка и политзанятия стали обыденностью и уже воспринимались как часть жизни. Отношения с товарищами по службе сложились у парня ровные и даже, мало того, в лице старшины Позднякова, который оказался родом из Воронежа, то есть земляком, нашёл себе покровителя. И теперь, когда выдавалась свободная минутка, Мишка забегал иногда в каптёрку к старшине, чем вызывал зависть у молодых солдат.

Несмотря на то, что по календарю наступила уже весна, зима уходить не собиралась; с севера, принося из Арктики морозный воздух, непрерывно дули обжигавшие лицо, холодные ветры, и, если выпадал снег, то эти ветры тут же уносили его в Китай. В середине марта ракетный и реактивный дивизионы в полном составе выехали для проведения зимних стрельб на самый большой в Забайкальском военном округе Цугольский полигон. Полигон находился в ста пятидесяти километрах от Харанора, поэтому командование приняло решение выдвигаться своим ходом. И если реактивные сорокаствольные «Грады», установленные на автомобили «Урал», добрались до него за два часа, то гусеничные пусковые установки ракетчиков ехали со скоростью тридцать километров в час, и по этой причине колонна ракетного дивизиона была в пути значительно дольше.

Мишка, как и все радисты взвода связи, ехал на автомобиле ГАЗ-69. Печка в машине грела плохо, а утеплённый войлоком брезентовый тент защищал только от ветра, и, если бы не запасливый Витя Горлышкин, всеми правдами и неправдами где-то доставший паяльную лампу, то радистам пришлось бы тяжело. Но Витя сразу же раскочегарил лампу и поручил Мишке следить, чтобы она не потухла и не наделала пожара.

В дороге командир экипажа сержант Зарецкий, уже бывавший на зимних учениях, рассказал в подробностях бытовые особенности жизни на полигоне. По словам сержанта, выходило, что спать солдатам придётся по десять человек в палатке, не раздеваясь, на деревянных нарах, питаться исключительно кашей, приготовленной полевой кухней, или же сухпайком, а про умывание и элементарное мытьё рук на время учений придётся забыть, так как с водой там туго. Разве что, если повезёт, – выпадет снег, и тогда можно будет натопить воды и помыться.

Анализируя эти рассказы, сознание молодого солдата нарисовало удручающую картину: полигон – это десятка полтора одиноко стоявших в голой степи палаток. Но то, что увидел он, добравшись до места, превзошло все ожидания. Кроме палаток для солдат, которых было не менее сотни, стояли ещё офицерские, штабные, медицинские, складские, для хранения оружия и боеприпасов, а также множество разных вспомогательных. Рядом с лагерем находилась обнесённая колючей проволокой площадка для военной техники. По всем прикидкам в палаточном городке можно было разместить не только два дивизиона, а даже артиллерийский полк.

Армейские брезентовые палатки для солдат были утеплены войлоком, а в центре каждой стояла печка-буржуйка. Почти всё остальное пространство занимали сколоченные из необструганных досок нары; на них лежали полосатые засаленные матрацы. Буржуйку круглые сутки топили бурым углем, который доставляли с местного угольного карьера.

Прибывшие на полигон военнослужащие ракетного дивизиона остаток дня потратили на обустройство на новом месте, а уже на следующее утро, когда солдаты, ещё не привыкшие к полевым условиям, сидя на нарах, сосредоточенно скребли алюминиевыми ложками кашу в своих котелках, прозвучал сигнал «Тревога!» И сразу же полевой лагерь загудел, как разбуженный улей.

Те из солдат, кто успел доесть кашу, и те, кто не успел сделать это, закрыв котелки, облизывали ложки и, поспешно засовывая их за голенище сапога, бежали получать в оружейную палатку автоматы, а получив их, мчались к своей технике. Водители и механики, набрав горячей воды у круглосуточно работающих водогреек, заливали её в двигатели и лихорадочно пытались вдохнуть жизнь в ночевавшие на морозе боевые машины.

Слышались команды офицеров, носились сержанты и бестолково суеились одетые в ватные зелёные бушлаты солдаты. По мере того, как, недовольно заурчав, заводились танковые моторы ракетных установок, оживали оборудованные штабными кунгами ЗиЛ-157, весело начинали им подпевать движки ГАЗ-69, общая суматоха спадала, и боевая техника организованно выдвигалась на указанные позиции.

Перед экипажем сержанта Зарецкого командиром взвода была поставлена задача обеспечить связью штаб дивизиона с первой батареей. Надев на голову гарнитуру, Мишка, нажав тангенту, вызвал экипаж сержанта Орлова, находившегося в первой батарее, и передал координаты нанесения ракетного удара. И тут же явственно представил, как личный состав батареи включился в работу: вычислители, рассчитывая траекторию полёта ракеты, стали сверяться по таблицам с поправками на силу и направление ветра, пусковые расчёты выдвигали дополнительные домкраты, на пусковую установку автокраном с транспортной машины перегружалась ракета. По существующим нормативам на пуск ракеты с марша отводилось двадцать минут.

Когда нормативное время почти истекло, в наушниках раздался голос сержанта Орлова: «"Карандаш" к пуску готов». После этого связь с первой батареей оборвалась, и сколько ни кричал в микрофон Мишка, а следом за ним командир радиостанции Зарецкий: «"Орёл", "Орёл", я "Сокол"... Ответь "Соколу"...» – связи не было. Убедившись в том, что своя радиостанция исправна, сержант, доложил об отсутствии связи с батареей командиру взвода. Уже через минуту из стоявшего рядом со штабом ГАЗ-66 выскочили нагруженные катушками с телефонным полевым кабелем два молодых солдата из отделения телефонистов. Ёжась от пронзительного дующего с Ледовитого океана морозного ветра, они стали разматывать линию связи в сторону первой батареи. Глядя на них, Мишка, зябко передёрнув плечами, подумал: «Слава богу, что я не телефонист...»

Через двадцать минут в той стороне, где исчезли среди голых сопков, опутывая их чёрной паутиной телефонного провода, два рядовых взвода связи, оставляя огненный след, ушла к цели похожая на большой карандаш, окрашенная зелёной краской ракета. Все, включая Мишку, с облегчением вздохнули. Пуск состоялся.

Спустя три дня, когда уже все обжились в полевых условиях и привыкли к тяготам и лишениям службы на полигоне, Мишку назначили во внутренний наряд, а попросту говоря – дневальным. Обязанности дневального в зимних лагерях, в отличие от казармы, были несложными: привезти из хозвзвода уголь, круглые сутки следить за тем, чтоб не потухла буржуйка, подмести в палатке и сходить с котелками на полевую кухню за завтраком и ужином (обедали обычно в «поле» сухим пайком). Так как дневальных назначали в каждую палатку, а обязанностей у них было немного, дежурили по двое.

После развода, заступив в наряд, Мишка с напарником Славкой Евсюковым, приняв у сменщиков палатку, подбросил в буржуйку угля, собрал котелки и отправился за ужином. Полевая кухня располагалась на территории хозяйственного взвода. Сам хозвзвод находился на окраине лагеря ракетчиков, а сразу же за ним стояли палатки дивизиона реактивных установок. Несмотря на пронизывавший до костей морозный ветер, стоявшие над котлами с черпаками в руках повар – краснолицый татарин Хафизов – и его помощник, разливавший чай, ловко справлялись со своими обязанностями. Повар балагурил, не скупился на шутки и приготовленную на тушёнке аппетитную перловую кашу. Очередь была небольшой: человек шесть, и связисты, пристроившись в хвост, уже через несколько минут были у котла. Когда Мишка протянул вверх руку с котелком и Хафизов, набрав полный черпак каши, собрался вывалить её в алюминиевую посудину, нарушив суету, смех и разговоры солдат, в расположении реактивного дивизиона прозвучали две злых, как собачий лай, коротких автоматных очереди. Все военнослужащие, находившиеся у кухни, включая поваров, повернули головы в сторону выстрелов. Не успели солдаты осознать опасность произошедшего, как автомат, будто торопясь освободиться от боезапаса, вновь напомнил о себе, но теперь уже одной длинной очередью. Хафизов охнув выпустил из рук черпак и словно подкошенный упал на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.